

Основные итоги:

1. В результате проведенных охранных исследований было найдено шесть погребений и один объект пока неизвестного назначения, относящиеся к сарматской эпохе.

2. Четыре из шести погребений имеют северную ориентировку, что наиболее характерно для сарматских комплексов Верхнего Дона, одно – южную (погребение №5) и одно восточную-северо-восточную (погребение №4).

3. Предварительно, можно сделать вывод, что эти погребения оставлены верхнедонскими сарматскими племенами, содержащими в себе черты погребальной обрядности среднедонских сарматских групп.

Литература

1. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ – М.: Изд-во «Наука», 1975. – Выпуск Г1-12. – 114 с.
2. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н. э. – IV в. н. э.) // САИ. – М.: Наука, 1966. – Выпуск Д1-30. – 140 с.
3. Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1990. – 220 с.
4. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. – М.: Наука, 1971. – 172 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РАССЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО ПРИКАМЬЯ В ФИНАЛЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ БАССЕЙНА Р. ТУЛВА)

П.С. Козьякова

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь*

Научный руководитель – к.и.н. М.Л. Перескоков

Методика пространственного анализа вне зависимости от применения ее в географии или археологии предусматривает получение информации о характере связей внутри группы рассматриваемых объектов. В исследовании археологических памятников пространственный анализ, а именно

изучение системы расселения, позволяет судить не только об уровне адаптации общества к данным условиям, о динамике отношений человека и окружающей его местности, но и решать вопросы, объясняющие социально-экономические связи внутри выявляемых системных объектов.

Вопрос о возможности применения методики пространственного анализа для изучения системы расположения археологических памятников очень актуален. Одним из первых его затронул Г.Е. Афанасьев [Афанасьев, 1989]. В статье выдвигается предположение, что экономическая зона населенного пункта имеет радиус 5 км, поскольку вписывается в рамки часового перемещения человека по спокойному непересеченному рельефу. Автор объясняет это предположение тем фактом, что затраты на эксплуатацию территории для оседлого земледельческого населения достигают предела на расстоянии более одного часа ходьбы от жилища. Выдвинутая теория проверяется Г.Е. Афанасьевым на примере земледельческих поселений группы памятников салтово-маяцкой культуры при помощи окружностей радиусом 5 км (применение которых объясняется только эмпирическим подходом). Вследствие этого выделяется группа территорий, состоящая из семи хозяйственных зон, взаимосвязь между которыми устанавливается посредством гравитационной модели.

На основе статьи Г.Е. Афанасьева можно выделить основные факторы, влияющие на исследование, без которых данный метод не может быть признан корректным: 1. Хронологические рамки изучаемых и сопоставляемых памятников, которые должны быть максимально узкими. 2. Степень исследованности памятников и микрорегиона в целом, позволяющая понимать контекст (особенности фортификации, домостроительных традиций и т. д.). 3. Корректные данные о площади поселенческих памятников. 4. Топография и вмещающий ландшафт, привязка к магистральным водным и транспортным путям. 5. Предполагаемый хозяйственно-культурный тип.

Большинство этих факторов, в частности, не учитывается Э.И. Оруджовым при изучении системы расселения носителей ананьинской культурно-исторической области в бассейне рек Вятка и Ветлуга [Оруджов, 2017]. Прибегая к методике Г.Е. Афанасьева, при помощи математических методов, картографирования и последующего анализа географического расположения, автор выделяет наиболее крупные агломерации памятников: нижне-вятская и средне-вятская, в состав которых входят 13 локальных и 4 региональные группы в бассейне р. Вятка и 1 локальная и 2 региональные группы памятников в бассейне р. Ветлуга. Так как его выводы получены без предоставления необходимой для этого аргументации относительно хронологии, степени изученности памятников, а исходят лишь из площа-

ди памятников (данные о которой даже не имеют ссылок на источник), то их можно считать некорректными.

И.И. Бахшиев и А.Г. Колонских, анализируя поселенческую структуру населения бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья, используют весь имеющийся спектр методов [Бахшиев, Колонских, 2016]. Тем не менее, слабая изученность поселений бахмутинской культуры в целом не позволяет быть уверенным в достоверности выводов, также в большей степени основывающихся на данных о площади, поскольку информация о большинстве поселений предоставлена лишь по данным разведок. Исходя из этого, выделение «центральных» памятников микрорегионов, выполнявших основные административные и социально-экономические функции (особенно когда ими являются неукрепленные поселения (селища), а не крупные городища), требует дополнительной аргументации. К слову, И.И. Бахшиев и А.Г. Колонских отмечают, что из 354 известных памятников бахмутинской культуры стационарные исследования проводились лишь на 24 объектах. Так, о выявленном авторами центре изучаемого региона, Нижне-Татышевском селище, известно лишь по данным разведки, проведенной без шурфовки [Бахшиев, Колонских, 2016. с. 63].

В.А. Иванов в одной из недавних работ [Иванов, 2017], критикуя выводы М.Л. Перескокова о выделении локальных вариантов и территорий в ареале гляденовской культуры, не предоставляет уверенных аргументов, опровергающих их выделение, высказывая лишь предположение о невозможности сосуществования городищ «на расстоянии не более чем 1,5 км друг от друга» [Иванов, 2017, с. 132]. При этом стоит отметить, что синхронность всех памятников финала РЖВ Пермского Приуралья, учтенных М.Л. Перескоковым, никогда не заявлялась, а рассматривались они исключительно в рамках периода [Перескоков, 2013]. При этом всегда учитывался хронологический контекст (где это возможно), ландшафт и топография расположения, хозяйственно-культурный тип [Перескоков, 2016; 2017]. Так, близкорасположенные городища могли представлять собой целостный комплекс объектов, выполняющих функцию наблюдательно-оборонительных пунктов.

Настоящая работа посвящена изучению пространственной структуры и расселения населения Пермского Прикамья финала раннего железного века на территории бассейна р. Тулва. Памятники этой территории представляют собой комплекс городищ, селищ, святилищ и могильников (40 городищ, 50 селищ, 3 могильника, 2 святилища). Памятники нижнего течения р. Тулва отнесены М.Л. Перескоковым к осинскому локальному варианту (осинская территория, включающая 9 групп памятников), а сред-

него и верхнего течения – к Тулвинско-Частинскому локальному варианту (тулвинская территория, 3 группы памятников). Между локальными вариантами нет четкой границы, а основные различия заключаются в орнаментации керамики [Перескоков, 2013], что дает основание рассматривать микрорегион как единую структуру.

В основе исследования лежит картографирование памятников в системе ГИС, что позволяет создать полноценное представление о географических особенностях интересующего региона (топография, расположение речной сети и пойменно-руслowych комплексов, особенности ландшафта и растительных зон) и рассмотреть закономерности расположения памятников в этом контексте также с учетом хозяйственно-культурного типа, основой которого было скотоводство в речных долинах и пойменных лугах.

Городища располагались на мысах коренных надпойменных террас р. Тулва и ее притоков. Селища, носившие постоянный характер, тоже размещались на террасах. Сезонные селища, использование которых связано с годовым хозяйственным циклом, находились на возвышенностях поймы и гривистых всхолмлениях. С уверенностью можно утверждать, что центрами группы памятников могут являться поселения, расположенные рядом с исследованными могильниками (городища Кудашевское I, Красное I).

Таким образом, изучение структуры расселения населения бассейна р. Тулва в финале раннего железного века, еще далеко от завершения, но можно сделать некоторые выводы. Долина р. Тулва являлась компактным замкнутым микрорегионом, имеющим выход на Камскую магистраль на севере и на верховья р. Буй на юге. Структура расположения поселений строилась в соответствии с хозяйственно-культурным типом, для более удобного выпаса скота в долине и пойме р. Тулвы и ее притоков. Городища имели разный размер и систему фортификации, в зависимости от назначения, и составляли единую сеть укреплений для охраны основных ресурсов: скота и пастбищных территорий.

Литература

1. Афанасьев Г.Е. Археологическая разведка на новостройках и пространственный анализ. – М.: Наука, 1989.
2. Бахшиев И.И., Колонских А.Г. Методы пространственного анализа в характеристике поселенческой структуры населения бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья. – 2016.
3. Иванов В.А. Памятники эпохи раннего железного века – средневековья Южного Предуралья: источниковедческий контекст (лес и лесостепь). – 2017.

4. Оруджов Э.И. Система расселения носителей ананьинской культурно-исторической области в бассейне рек Вятка и Ветлуга. – 2017.

5. Перескоков М.Л. Миграционные процессы в Пермском Прикамье в эпоху Великого переселения народов: причины и следствия //V (XXI) Всероссийский археологический съезд. – Барнаул: Издательство Алтайский государственный университет, 2017. – С. 809-810.

6. Перескоков М.Л. Некоторые итоги изучения хозяйства населения гляденовской культуры Пермского Прикамья // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. – С. 175-178.

7. Перескоков М.Л. Территория и локальные варианты позднего этапа гляденовской культуры в Пермском Прикамье // Вестник Пермского университета. Серия История. 2013. Вып. 1 (21). – С. 58-66.

АНАЛИЗ ГЛЯДЕНОВСКОЙ КЕРАМИКИ С ГОРОДИЩА КАЛА-УРЫН (ПО МАТЕРИАЛАМ 2017 Г.)

Т.А. Колтакова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(филиал в г. Пермь), г. Пермь*

*Научный руководитель – старший преподаватель кафедры
гуманитарных наук В.В. Мингалев*

Городище Кала-Урын (Баш-Култаевское или Кола-Уры*, в переводе с башкирского – «место, где жили») – это укрепленное поселение раннего железного века в Среднем Прикамье. Городище расположено на правом берегу р. Нижняя Мулянка, левом притоке р. Камы. Городище подтрапециевидное, мысовое, с высотой мыса 10-15 м. С напольной стороны ограничено тремя валами «кокошником» и рвами. Площадь памятника 12 800 м², в том числе площадки поселения – 7500 м² [Борзунов, 1985, с. 166].

Памятник был открыт в 1983 году В.А. Борзуновым, которым и были произведены первые исследования – вскрыты отрезки оборонительных линий (592 м²) и прилегающий участок площадки городища (288 м²).

* Данные названия встречаются в отчетах и статьях В.А. Борзунова